

(покушавшійся быть и ученымъ толкователемъ), пріобрѣтшій въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ большую извѣстность, какъ знатокъ русской народности, былъ Сахаровъ. „Сказанія русскаго народа“ безпрестанно поминались тогда, какъ только заходила рѣчь о русскомъ народномъ обычаѣ, пѣснѣ, сказкѣ и т. д. Заслуги Сахарова въ возбужденіи этнографическихъ изученій, въ доставленіи перваго обильнаго матеріала для нихъ, не подлежатъ спору; но наконецъ, обратили вниманіе и на качество его текстовъ. Ап. Григорьевъ, извѣстный критикъ, который былъ большой любитель народной пѣсни, открытъ въ этихъ текстахъ (еще при жизни самого Сахарова) весьма крупныя несообразности и шарлатанство, а позднѣе г. Безсоновъ нашелъ нѣчто худшее, а именно несомнѣнныя поддѣлки (напр., цѣлую сказку объ Акундинѣ), а затѣмъ очевидно стало, что всѣ тексты сказокъ сочинены самимъ Сахаровымъ, который, для приданія имъ большей „народности“, написалъ ихъ въ фальшивомъ, до отвращенія приторномъ тонѣ. Въ свое время все это сходило за чистую монету и не мало способствовало распространенію лже-народной слащавой манеры въ трактованіи „народности“, манеры, подходившей къ духу времени, когда все считалось „обстоящимъ благополучно“ и патриархально процвѣтающимъ.—Въ то же время, когда стали выходить первыя собранія Сахарова, издавалась „Запорожская Старина“ Срезневскаго; въ свое время это былъ также горячо привѣтствованный сборникъ, въ которомъ являлись поэтическія южно-русскія думы и преданія; эти думы не разъ были повторяемы любителями и другими собирателями (напр., такими компетентными, какъ Максимовичъ), цитировались учеными издателями (напр., такими компетентными, какъ г. Буслаевъ), и въ концѣ концовъ между ними оказались самыя несомнѣнныя поддѣлки, что призналъ въ послѣдніе годы и самъ Срезневскій, говоря, что былъ введенъ въ заблужденіе усердными черезъ мѣру благопріятелями. Напомнимъ еще изъ крупныхъ поддѣлокъ ту пѣсню изъ „языческихъ временъ“, которую призналъ и напечаталъ г. Кулишъ (въ „Запискахъ объ южной Руси“), хотя поддѣлка была грубая и безвкусная; тѣ поддѣлки, какія явились въ извѣстныхъ памятникахъ народнаго творчества западнаго края, и т. д. и т. д.

Эта склонность къ подлогу, поддѣлкѣ въ прежнее время (у насъ, въ 30-хъ годахъ) имѣла не однѣ шарлатанскія цѣли (иной разъ могла и совсѣмъ не имѣть такихъ цѣлей), но происходила также изъ наивнаго пониманія самаго дѣла: стремленіе къ народности было гораздо меньше строго-научное, чѣмъ литературно-